

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-2>

УДК 339.94

JEL F50, F60, P52

П. Сюй ^{a)}, Х. Чжао ^{б)}^{а, б)} Университет Китайской академии общественных наук, г. Пекин, Китай^{а)} Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, г. Пекин, Китай

Геоэкономические приоритеты и новые акценты партнерства Китая и России в меняющемся мировом порядке¹

Аннотация. В условиях постоянного наложения традиционных и нетрадиционных рисков безопасности неустойчивость мирового порядка стала международной проблемой, требующей безотлагательного решения. Как Китай и Россия смотрят на этот вызов и отвечают на него? В статье объединены концепции и исторический опыт, уточнены рамки изучения мирового порядка, а также проанализированы геоэкономические приоритеты Китая и России и новые акценты партнерства двух стран в меняющемся миропорядке. Утверждается, что гегемонистская практика США и Запада, руководствующихся конфликтным представлением о миропорядке, привела к регионализации мировой экономики и повышению важности геоэкономического сотрудничества. В ответ на вызовы Китай и Россия активно корректируют свои геоэкономические приоритеты. В долгосрочной перспективе геоэкономическое сотрудничество между двумя странами будет благополучно развиваться. Это объясняется тем, что в отношениях между Китаем и Россией существует прочная основа, включающая необходимые для этого общее мировоззрение, время, удобное расположение и сплоченность людей. Эти факторы выходят за рамки технических деталей в области финансов и транспорта и играют более важную роль в долгосрочном сотрудничестве. Наши страны должны сделать акцент на полное использование потенциала геоэкономического сотрудничества и демонстрацию его мирового значения, чтобы способствовать глобализации региональной экономики путем многостороннего сотрудничества, улучшить международную систему и реализовать многополярный мировой порядок, который является упорядоченным, справедливым и разумным, демонстрируя равенство всех культур.

Ключевые слова: мировой порядок, представление о миропорядке, международная система, российско-китайское геоэкономическое сотрудничество, новое российско-китайское партнерство, новая глобализация

Благодарность: Исследование выполнено по плану Национального фонда общественных наук КНР (№ 24BGJ034).

Для цитирования: Сюй, П., Чжао, Х. (2025). Геоэкономические приоритеты и новые акценты партнерства России и Китая в меняющемся мировом порядке. *Экономика региона*, 21(3), 599-609. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-2>

¹ © Сюй П., Чжао Х. Текст. 2025.

RESEARCH ARTICLE

Poling Xu ^{a)}, Haiwen Zhao ^{b)}^{a, b)} University of the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China^{a)} Institute of Russian, Eastern European and Central Asian Studies, CASS, Beijing, China

Geo-Economic Priorities and New Emphasis in the Partnership between China and Russia in Changing World Order

Abstract. The constant overlap of traditional and non-traditional security risks has turned the volatility of the world order into an urgent international concern. How do China and Russia perceive and respond to this challenge? This article synthesizes key concepts and historical experiences, clarifies the framework for studying the world order, and examines the geo-economic priorities of China and Russia alongside the emerging focus of their partnership in the evolving global context. We argue that the hegemonic practices of the United States and the West, shaped by a conflict-oriented vision of the world order, have driven the regionalization of the world economy and increased the significance of geo-economic cooperation. In response, China and Russia are actively adjusting their geo-economic priorities. In the long term, cooperation between the two countries is likely to flourish, built on a solid foundation of shared vision, favourable timing, geographic advantages, and dedicated partners. These factors extend beyond mere technicalities of finance and transportation, playing a decisive role in sustaining long-term collaboration. The two states should work to fully leverage the potential of their geo-economic partnership and its global demonstration effect to promote the globalization of regional economies through multilateral cooperation, enhance the international system, and contribute to the establishment of a multipolar world order that is equitable, stable, just, and reasonable.

Keywords: world order, concept of world order, international system, Russian-Chinese geo-economic cooperation, new Russian-Chinese partnership, new globalization

Acknowledgments: The study was supported by the National Social Science Fund of China (No. 24BGJ034).

For citation: Xu, P., & Zhao, H. (2025). Geo-Economic Priorities and Strategic Shifts in the Partnership between Russia and China in a Changing World Order. *Ekonomika regiona / Economy of regions*, 21(3), 599-609. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-2>

Введение

В последние годы глобальный порядок подвергается различным традиционным и нетрадиционным рискам безопасности, его нестабильность постоянно растет. Такие геополитические кризисы, как распространение эпидемий, российско-украинский конфликт, израильско-палестинский конфликт и гуманитарный кризис в Газе приносят разрушительные последствия. Соединенные Штаты отказались от международной системы, созданной после Второй мировой войны, следуя принципу «Америка превыше всего», развязывая протекционистские тарифные войны, вводя экономические и финансовые санкции, парализуя роль ключевых международных организаций, таких как Всемирная торговая организация и Организация Объединенных Наций, и тем самым дестабилизируя основы системы международного управления. В то же время потрясения, вызванные скачками и падениями цен на энергоносители, замедлением темпов роста мировой экономики и продолжающимся усилением климатического кризиса, также вызывают широкую озабоченность. Дестабилизированной

системе международного управления трудно что-либо с этим сделать. Хаотичная международная обстановка и «изменение мира», с которым столкнулось международное сообщество, влекут за собой огромные риски, которые требуют от ведущих мировых держав совместных усилий по их преодолению. Как мировые державы Китай и Россия смотрят на эти изменения в мире и реагируют на них? Как новое партнерство между Китаем и Россией в качестве стабилизирующего фактора международной системы повлияет на будущий мировой порядок? В данной работе сделана попытка ответить на поставленные выше вопросы, используя логический и сравнительный анализ.

Теория: мировой порядок и основной фактор, способствующие изменению мирового порядка

Проблема существования мирового порядка и основные факторы, влияющие на него, — это первое, что необходимо выяснить в процессе его изучения.

Отвечая на вопрос о существовании мирового порядка, Генри Киссинджер (Kissinger,

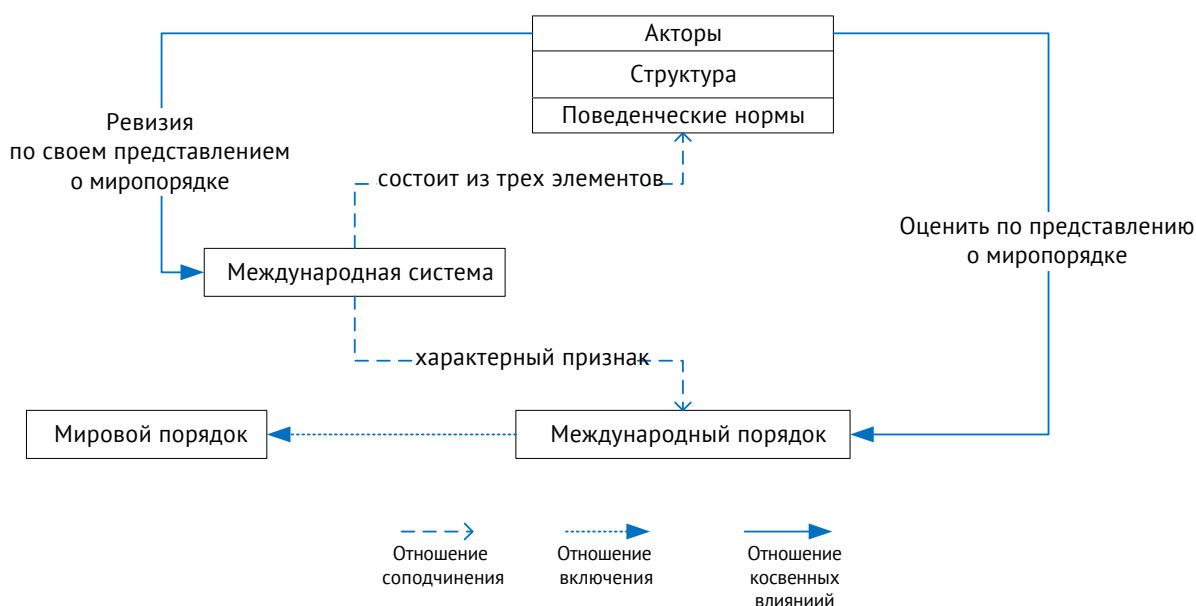

Рис. 1 Мировой порядок и его ревизия (источник: составлено авторами)

Fig. 1 World order and its revision (source: compiled by the authors)

2014) четко заявил, что никогда не существовало действительно глобального мирового порядка, то есть мировая система неупорядочена по своей природе. Причина этого в том, что не существует мирового правительства, которое выходило бы за рамки суверенитета государств и могло бы обеспечить мировую безопасность, а создание такого мирового правительства в реальности совершенно невозможно. Что же именно представляет собой обсуждаемый нами мировой порядок?

С концептуальной точки зрения не существует единого определения мирового порядка. Такие понятия, как «международный порядок», «международная система» и «структура мирового порядка» часто используются как взаимозаменяемые. Российские и китайские ученые писали о том, насколько бессистемно используются эти понятия в разных случаях (Бабурина, 2010; Yan, 2016; Нефедов, 2021). Киссинджер делит обсуждаемый порядок на три уровня: мировой порядок, международный порядок и региональный порядок (Kissinger, 2014). С точки зрения круга объектов, охватываемых порядком, международный порядок существует среди значительной части государств мира, региональный порядок существует в пределах определенной географической зоны, а мировой порядок существует универсально. Иными словами, мировой порядок основан на международном порядке, но превосходит его. При таком понимании обсуждение мирового порядка может быть временно перенесено на обсужде-

ние международного порядка (Yan, 2016). В данной работе используем понятие «международная система» в качестве отправной точки анализа, чтобы облегчить понимание и изложение сути проблемы. Международная система состоит из трех элементов: акторы, структура и поведенческие нормы. Международный порядок, с другой стороны, не относится к составным элементам международной системы, и он должен являться характерным признаком международной системы (рис. 1). Линь Лимин отмечает, что «система» более реальна и конкретна, в то время как «порядок» более расплывчат и разговорен, с большим акцентом на функционирование международных отношений и совокупных политических последствий власти и международных норм и механизмов (Lin, 2014). В этом понимании порядок носит идеальный характер, который имеет место в представлениях людей, а не реально существует в действительности.

С точки зрения исторического развития, в разных культурных кругах существовало и продолжает существовать множество различных типов международного порядка, некоторые из них становятся региональным мейнстримом или превращаются в мировой мейнстрим (Гринин, 2023). Известный американский китаевед Дж. К. Фэрбанк выдвинул термин «китайский мировой порядок» (Fairbank, 1968), а Амита Ачарья на этой основе — «американский мировой порядок» (Acharya, 2014). От традиционного китайского мирового порядка, ос-

нованного на системе дани¹ между странами Восточной Азии, европейского мирового порядка, основанного на паритете, до американского мирового порядка, делающего упор на либерализм и гегемонию в эпоху после холодной войны, в ходе нескольких трансформаций международной системы международный порядок, зародившийся в Европе и построенный под руководством США, постепенно занял ведущее место и в мире сформировалась пирамидальная иерархическая структура.

Исторический опыт показывает, что изменения — это путь к построению миропорядка. Что же является главной силой, которая движет изменениями в мировом порядке? Многие ученые считают, что причиной изменчивости мирового порядка является распределение власти. В западных теориях международных отношений важное место занимают рассуждения о полярности, такие как теория однополярного момента (Krauthammer, 2002), теория баланса сил (Waltz, 1964), теория сложной взаимозависимости (Keohane, 1977) и теория многополярности (Mearsheimer, 1990), при этом западные теории обычно считают многополярность нестабильным и неустойчивым состоянием, содержащим больше элементов конфликта. Однако ни одна из этих теорий не может в полной мере описать изменения в современном мировом порядке. Это связано с тем, что западоцентризм, заложенный в устоявшихся теориях международных отношений, не может адаптироваться к изменениям, происходящим в настоящее время, и не может их объяснить. Главная проблема заключается в том, что глобальная и региональная модели распределения власти, установленные сложившимся мировым порядком, серьезно оторвались от реальности в связи с одновременным появлением нескольких развивающихся стран в разных регионах мира. В частности, необходимо пересмотреть распределение власти между «Глобальным Севером» и «Глобальным Югом». Иерархическая структура не позволяет обеспечить всеобщее и сбалансированное развитие, а дефицит развития привел к возникновению многих глобальных проблем (Ren & Peng, 2022). Поэтому отсутствие равенства и справедливости в нынешней международной системе является основным противоречием в стремлении к изменению мирового по-

рядка, которое тесно связано с представлениями главных акторов международной системы.

У разных стран или регионов имеются разные представления о мировом порядке. Западные страны всегда придерживались «конфликтного представления», которое является гегемонистским и иерархическим (Gao, 2015). Логика такого представления заключается в том, чтобы собирать с других стран «деньги на защиту» в обмен на обеспечение безопасности и экономического порядка (Бабурина, 2012). Например, согласно теории столкновения цивилизаций Хантингтона, войны и жесткие конфликты будут в значительной степени присутствовать в зонах разлома между цивилизациями (Huntington, 1996). Теория мировой системы Валлерстайна рассматривает мировую систему как прежде всего экономическую систему, но при этом в этой системе сохраняются отношения зависимости и эксплуатации (Wallerstein, 1974). Американско-западное конфликтное представление о мировом порядке имеет «предвзятость к восходящим державам» (Rising Powers Bias), относится к другим субъектам системы мирового хозяйства как источникам ресурсов и/или объектам оказания давления (Широв и др., 2024), настаивает на том, что коллективное лидерство Запада не может быть оспорено, и пытается заклеймить «ревизионистские страны» как «плохие страны», считая, что ревизионистское поведение изменит статус-кво и может спровоцировать конфликты и поставить под угрозу мир. Возражая против этого, Сонг Вэй отмечает, что «ревизионистское государство» — это нейтральный термин, и со времен Вестфальской системы совершенствование и прогресс международного порядка — это процесс постоянного пересмотра на основе новых идей и правил, предлагаемых развивающимися державами (рис. 1). Ревизионистское государство — это «хорошее государство», если предлагаемые им новые идеи и правила более рациональны и справедливы (Song, 2021). Отрицать необходимость «ревизии» — значит отрицать исторические достижения Второй мировой войны.

Сравнение представлений России и Китая о миропорядке

Представления России и Китая о мировом порядке отличаются от американских и западных, в результате чего они были описаны как «ревизионистские государства» в нарративе конфликтного порядка. На самом деле, с объективной точки зрения ревизионистское поведение Китая и России, стремящихся к фор-

¹ Система дани, по которой Китай вёл международные отношения примерно с династии Хань (206 до н. э. — 220 н. э.) до династии Цин (1644 — 1911/12), описана Дж. К. Фэрбанком в его известном труде «Китайский мировой порядок».

мированию более рациональной и справедливой мировой системы, выходит за рамки узкого нарратива конфликтного порядка.

Россия придерживается многополярного представления о миропорядке. В Концепции внешней политики Российской Федерации, утверждённой 31 марта 2023 г., говорится, что человечество переживает эпоху революционных перемен. Продолжается формирование более справедливого, многополярного мира. Концепция «многополярности» здесь отличается от концепции США и Запада тем, что это скорее специальное обозначение видения о будущем, чем текущая иерархическая структура государств, подчеркиваемая структурализмом. Министр иностранных дел России Сергей Лавров еще в 2009 г. заявил: «Многополярность или нет — не важно, как называть. В любом случае речь идет о сетевом методе ведения дел в международных отношениях, который противостоит разного рода иерархическим построениям, доминировавшим в мировой политике еще совсем недавно»¹. По мнению российского эксперта-международника Андрея Кортунова, концепция многополярности, как и концепция биполярности, явно или неявно предполагает, что отдельные страны или группы обладают особыми правами, а страны в такой международной системе не имеют равного статуса и обречены на провал. Убедительной альтернативой многополярной концепции является многосторонняя. Если многополярность стремится сохранить привилегии лидеров, то многосторонность нацелена на поиск новых возможностей для отстающих (Kortunov, 2019). В докладе ежегодного заседания Валдайского клуба, ведущего российского аналитического центра, посвященного итогам 2023 г., обсуждается «многополярность», но не дается конкретного определения этого понятия; скорее, «многополярность» (или «множественность») присваивается российскому видению будущего мирового порядка, изображающему, каким он представляется стране. Скорее, он придает «многополярности» (или «плюрализму») более глубокий смысл, изображая российское видение будущего миропорядка. В российском видении акторы будут регулировать себя сами, международная система будет саморегулируемой, а государства будут решать свои собственные проблемы без репрессивных или иерархических структур, не создавая при этом

непреодолимых проблем для других². Вместо того чтобы привести к многополярному хаосу и неконтролируемой конкуренции, о которых предупреждалось в Мюнхенском докладе по безопасности от 10 февраля 2024 г., российское видение в определенной степени предлагает пути их обхода.

Китай придерживается гармоничного представления о порядке. Согласно концепции гармоничного порядка, мировой порядок проявляется в гармоничном состоянии многостороннего сосуществования, когда межсубъектные отношения носят характер дружбы, а не вызова, взаимодействие между субъектами осуществляется в основном в форме взаимопомощи и вежливости, а не конфликта, а разногласия решаются путем поиска общих точек соприкосновения при сохранении различий, а не гегемонии (Gao, 2015). В концептуальном документе «Глобальная инициатива по безопасности», выпущенном Китаем в 2023 г., подчеркивается, что мировой порядок должен соответствовать принципам справедливости и разумности, и пропагандируется дух солидарности для адаптации к глубоко изменившемуся международному ландшафту (Zhang & Feng, 2023). Концепция «интернализации мира», предложенная китайским ученым Чжао Тинъяном, помогает понять китайское представление о миропорядке. Суть «интернализации мира» заключается в понимании мира как политического субъекта, что отличается от современной политики. Современная политика, которая разделяет «границы» государства по суверенитету, неизбежно делит государство на внутреннее и внешнее; над государством нет политического субъекта мира, и государство озабочено поиском внешних врагов, чтобы защитить все свои границы. А мировой порядок (рис. 1), напротив, требует, чтобы в мире не было политического пространства, в котором сотрудничество невозможно или из которого человек исключен. Ключ к интернализации мира лежит в стабильном и надежном «сосуществовании», то есть включении всех государств в одну систему, установлении различных уровней сотрудничества на основе оптимальных возможностей взаимных интересов и создании мира, в котором сотрудничество максимально, конфликты минимальны,

¹ Лавров, С. (2009, 07 сентября). В условиях после окончания «холодной войны» Россию и США ничто не разделяет. Российская газета. <https://rg.ru/2009/09/08/lavrov.html> (дата обращения: 11.01.2025).

² Барабанов, О. Н., Бордачёв, Т. В., Лукьянов, Ф. А., Сушенцов, А. А., Тимофеев, И. Н. (2023). Фантазия о будущем без иерархии. Ежегодный доклад клуба «Валдай». Международный дискуссионный клуб «Валдай». <https://ru.valdaiclub.com/files/45987/> (дата обращения: 11.01.2025).

Таблица 1

Сравнение основных торговых партнеров России в 2021 и 2024 гг.

Table 1

Comparison of Russia's Main Trading Partners in 2021 and 2024

2021 г.	2024 г.	Сравнение ситуации
Общий объем торговли: 784 млрд долл.	Общий объем торговли: 717 млрд долл.	- 67 млрд долл.
Китай (18,3 %)	Китай (34,2 %)	↑ Китай
Германия (7,4 %)	Индия (9,8 %)	↑ Индия
Нидерланды (5 %)	Беларусь (8,0 %)	↑ Беларусь
Беларусь (5 %)	Казахстан (3,9 %)	↑ Казахстан
США (4,2 %)	Корея (1,6 %)	↑ Корея
Турция (4,2 %)	Германия (1,5 %)	↓ Германия

Источник: Таможня раскрыла топ-10 торговых партнеров России. <https://www.rbc.ru/economics/02/01/2025/676fd1eb9a7947cb9e223e39?ysclid=m5op1rou7c44965273> (дата обращения: 11.01.2025). Данные на 2024 г. рассчитаны авторами по источникам партнеров.

а мирные отношения являются минимальным стандартом (Zhao, 2016).

В целом логика поведения США и западных стран в построении и поддержании существующего порядка коренится в их конфликтном представлении о миропорядке. И китайские, и российские ученые считают, что конфликтный порядок представляет собой теоретический провал и философское обеднение, и нуждается в «исправлении» (Zhao, 2016; Богатуров, Лебедева, 2023). Китай и Россия разделяют схожее представление о будущем мировом порядке, отдавая предпочтение взаимовыгодному сотрудничеству, охватывающему всех участников.

**Практика: российско-китайские
геоэкономические приоритеты
и основы ускорения геоэкономического
сотрудничества**

В настоящее время ядром мирового порядка является мировой экономический порядок. Конфликтное представление о миропорядке привело к регионализации мировой экономики¹ и повышению важности геоэкономического сотрудничества. Китай и Россия как крупнейшие мировые державы приняли на себя основную тяжесть удара. Но влияние меняющегося мирового порядка на Китай и Россию различно.

Масштабные экономические санкции, введенные США и Западом, — главная проблема, стоящая сегодня перед Россией. Масштабные экономические санкции и жесткая экономическая блокада поставили под угрозу экономическую безопасность. В ответ на это Россия быстро

скорректировала стратегию развития, чтобы обеспечить национальную экономическую безопасность и одновременно расширить свое экономическое пространство на незападном направлении (Спартак, 2022). В Концепции внешней политики Российской Федерации (2023) вторым региональным направлением внешней политики страны выделены Евразийский континент, КНР, Индия, а Европа и США опустились в самый низ списка. Помимо увеличения объемов торговли, ключевыми задачами российско-китайского сотрудничества являются целенаправленная модернизация железнодорожных транспортных магистралей, открытие международного коридора «Север-Юг» и ускорение строительства экономического коридора Китай-Россия-Монголия. В результате регулирования пространственная структура внешнеэкономического сотрудничества России за двухлетний период существенно изменилась (табл. 1). В условиях санкций со стороны коллективного Запада ее экономическое пространство переориентировалось на страны Центральной Азии, Азиатско-Тихоокеанский регион и другие нейтральные страны и регионы, расширившие свое присутствие.

Меры, введенные США и направленные на сдерживание высокотехнологичных проектов и подавление технологических достижений, являются главной проблемой, стоящей перед Китаем. В мае 2024 г. администрация Байдена объявила о новом раунде повышения тарифов на китайский импорт на сумму около 18 млрд долл. Эти меры были ограничены ключевыми областями, что привело к сдерживанию долгосрочного роста ведущих отраслей Китая на мировом рынке. В апреле 2025 г. администрация Трампа расширила тарифы в отношении Китая практически на весь китайский экспорт в США. Хотя в на-

¹ Шилов, А. А. (ред.) (2024). Трансформация мировой экономики: возможности и риски для России. Научный доклад. Москва: Динамик Принт, 144.

чале мая стороны вели переговоры по этому поводу и добились значительного прогресса, сохраняется неопределенность в отношении будущего, особенно в секторе высоких технологий, где тарифы и ограничения еще не ослаблены. Чтобы справиться с неопределенностью внешней среды, Китай настаивает на высоком уровне открытости и рассматривает дальнейшее продвижение продуктивного сотрудничества в строительстве «Пояса и пути» как геэкономический приоритет. На третьем саммите «Пояса и пути» Китай взял на себя следующие обязательства: ускорить высококачественное развитие линейных поездов Китай-Европа, принять участие в строительстве транскаспийского международного транспортного коридора и работать с другими сторонами над созданием нового логистического коридора между Азией и Европой, поддерживаемого прямым железнодорожным и автомобильным транспортом. В области торговли Китай проведет переговоры и подпишет соглашения о свободной торговле и защите инвестиций с большим количеством стран, а также полностью отменит ограничения на доступ иностранных инвестиций в производственный сектор. Что касается научно-технических инноваций, то в ближайшие 5 лет Китай увеличит число совместных лабораторий с другими странами до 100, а также будет поддерживать молодых ученых из других стран, приезжающих на работу в Китай на короткий срок. Сотрудничество Китая с другими странами в рамках инициативы «Один пояс, один путь» не имеет четкого порядка приоритетов, Китай прилагает все усилия для создания пространства экономического роста совместно со всеми странами.

В меняющемся мировом порядке у Китая и России есть общие геэкономические интересы. Сотрудничество стран достигло хороших результатов за последний период, но существует и пространство для дальнейшего улучшения. На примере торговли можно отметить, что в последние три года товарооборот продолжается расти, но темпы роста замедлились до 1,9 % в 2024 г. по сравнению с высокими темпами роста в 2022 (29,6 %) и 2023 (26,3 %) гг., объем торговли в январе-апреле 2025 г. сократился на 7,5 % по сравнению с аналогичным периодом 2024 г. Китайско-российской двусторонней торговле предстоит пройти долгий путь, чтобы достичь устойчивого роста за счет устранения влияния негативных факторов

(например, ограниченности денежных платежей и транспортных мощностей).

В целом геэкономическое сотрудничество двух стран имеет благоприятные долгосрочные перспективы. Это объясняется тем, что геэкономическое сотрудничество между Китаем и Россией основано на необходимых для этого общих мировоззрении, времени, удобном расположении и сплоченности людей. Эти факторы выходят за рамки технических деталей в области финансов и транспорта и играют более важную роль в долгосрочном сотрудничестве.

Во-первых, у обеих стран совпадают представления о мировом порядке, они выступают против идеи конфликтного порядка, за установление честного и справедливого мирового порядка, за взаимовыгодное сотрудничество — это «общее мировоззрение».

Во-вторых, в сложной международной обстановке обе страны испытывают потребность в развитии экономического пространства — это и есть «время».

В-третьих, в настоящее время ядром мирового порядка является мировой экономический порядок, а расширение экономического пространства не подвержено «жестким ограничениям» географического пространства — это «удобное расположение».

В-четвертых, обе страны установили хорошие отношения сотрудничества со своими соседями и с развивающимися странами в целом — это «сплоченность людей». Китай и Россия очень заинтересованы в многостороннем сотрудничестве в Центральной Азии. В 2024 г. «Российско-китайский диалог», организованный ведущими российскими и китайскими экспертами, был посвящен теме «Роль Центральной Азии в двусторонних отношениях между Россией и Китаем»¹. БРИКС предоставляет платформу для многостороннего взаимодействия России и Китая с рядом развивающихся стран в борьбе со вторичными санкциями и в решении вопросов урегулирования (Xu, 2024).

Вышеупомянутые факторы создают политическую, экономическую и философскую основу для модернизации геэкономического сотрудничества между Китаем и Россией.

¹ Бабаев, К. В., Ли, Ц., Мельникова, Ю. Ю. и др. (2024). Российско-китайский диалог: модель 2024: доклад № 94. Под ред. С.М. Гавриловой и др. Москва: Российский совет по международным делам. <https://russiancouncil.ru/activity/publications/rossiysko-kitayskiy-dialog-model-2024/?ysclid=m5pndv0ygy66774573> (дата обращения: 11.01.2025).

Эффект перелива: образцовая роль российско-китайского партнерства в построении нового мирового порядка

Укрепление геоэкономического сотрудничества помогает в решении внешних экономических проблем, однако человечеству нужен не только мир, стремящийся к экономическим результатам, но и пространство для жизни в гармонии и мирного сосуществования. Нетрадиционные вызовы безопасности, такие как экстремальные погодные условия, глобальные эпидемии, продовольственная безопасность, загрязнение морской среды, представляют серьезную угрозу развитию всего человечества, и мир нуждается в эффективной системе сотрудничества и стабильном и справедливом порядке, чтобы объединить все человечество в решении глобальных проблем. Китай и Россия являются постоянными членами Совета Безопасности ООН, это означает, что обе страны несут большую ответственность за мировую безопасность, стабильность и развитие, что новое китайско-российское партнерство как великодержавная практика построения нового типа порядка имеет широкую образцовую роль и эффект перелива.

Будучи партнерами по всестороннему стратегическому сотрудничеству в новую эпоху, Китай и Россия разделяют похожее представление о будущем мире. Идеи российского и китайского лидеров, Большое Евразийское партнерство и Сообщество единой судьбы человечества, хотя и отличаются по географическому охвату, но придерживаются принципов мирного сосуществования и бесприоритетного сотрудничества, поддерживают плюрализм, инклюзивность и взаимопонимание цивилизаций, что является ярким выражением представления двух стран о миропорядке. В мае 2025 г. по случаю 80-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, победы китайского народа в Войне сопротивления японским захватчикам и победы во Второй мировой войне Китай и Россия подписали совместное заявление о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия в новую эпоху, в котором отмечается, что стороны поддерживают культурное и цивилизационное многообразие, признают самобытность как основу многополярного мира, уважают уникальные системы ценностей государств и народов.

Новое российско-китайское партнерство не только имеет прочную основу для сотрудничества, но и обладает мощным эффектом перелива. Китайско-российское партнер-

ство отстаивает и практикует новую концепцию международного сотрудничества, создавая новую модель взаимодействия крупнейших держав на основе принципа «партнерство, но не альянс», и неизменно придерживается Устава ООН, международного права и базовых норм международных отношений. Это партнерство является стабилизирующим фактором в меняющемся мировом порядке. С ростом экономики Азиатско-Тихоокеанского региона и подъемом стран Глобального Юга западный центризм и гегемония сошли на нет, а тенденция экономического развития Азиатско-Тихоокеанского региона к глобализации неуклонно усиливается. Объединив многосторонние силы для устранения иррациональности существующей международной системы и построения пространства единой судьбы человечества, Китай и Россия, как мы надеемся, реализуют многополярный мировой порядок, который преодолет конфликты. На этом уровне новое партнерство, демонстрируемое Китаем и Россией в геоэкономическом сотрудничестве, способствует глобализации региональной экономики, преодолению ограничений географических факторов и продвижению двусторонней модели на более высокий уровень и в более широкое поле.

Заключение

Теоретический анализ показывает, что представление о мировом порядке, с одной стороны, является восприятием миропорядка акторов, с другой стороны — определяет их поведение в международной системе.

Сравнительный анализ показывает, что западные страны придерживаются конфликтного представления о миропорядке, Россия — многополярного, а Китай — гармоничного. Китай и Россия имеют схожие представления о будущем мировом порядке, подчеркивающие взаимовыгодное сотрудничество всех сторон.

В настоящее время в центре внимания стоит мировой экономический порядок. Гегемонистская практика США и Запада, руководствующихся конфликтным представлением о порядке, нанесла серьезный ущерб миру, что привело к регионализации мировой экономики и повышению важности геоэкономического сотрудничества. Несмотря на то, что у каждого имеются собственные приоритеты, Китай и Россия являются важными партнерами друг для друга, и их геоэкономическое сотрудничество будет продуктивно в долгосрочной перспективе. Это объясняется тем, что геоэкономическое сотрудничество между

Китаем и Россией имеет прочную основу, включающую все необходимые для него элементы: общее мировоззрение, время, удобное расположение и сплоченность людей. Эти факторы выходят за рамки технических деталей в области финансов и транспорта и играют более важную роль в долгосрочном сотрудничестве.

Китай и Россия как ведущие мировые державы обязаны содействовать построению стабильной и справедливой международной системы. Партнерство Китая и России имеет широкий демонстрационный эффект в построении нового типа порядка. Две страны должны сделать акцент на полное использование потенциала своего геоэкономического сотрудничества и его глобальное демонстрационное значение, чтобы способствовать глобализации региональной экономики путем многостороннего сотрудничества, улучшить международ-

ную систему и реализовать многополярный мировой порядок, который является равным и упорядоченным, справедливым и разумным.

Конфликтный порядок представляет собой теоретический провал и демонстрирует философскую нищету США и Запада. При установлении нового типа партнерства между Китаем и Россией, адаптирующегося к регионализации мировой экономики в меняющемся мировом порядке, способствовать новой глобализации на основе опыта географической экономической сотрудничества — это и есть философское предназначение Китая и России. В 2025 г. исполнилось 80 лет со дня победы во Второй мировой войне, Китай и Россия, как и прежде, будут вместе работать над поддержанием мира, справедливости и правосудия, над построением лучшего мира.

Список источников

Бабурин, О. Н. (2010). Новый международный экономический порядок и новый мировой экономический порядок: соотношение понятий и этапы трансформации. *Вестник Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова*, (5(35)), 120–126.

Бабурин, О. Н. (2012). Национальные интересы США в организации мирового экономического порядка. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*, 8(5(146)), 56–64.

Богатуров, А. Д., Лебедева, О. В. (2023). Эволюция миропорядка и представлений России о внешнем мире. *Международная жизнь*, (9), 24–31.

Гринин, Л. Е. (2023). Дестабилизация и мировой порядок: некоторые вопросы теории. *История и современность*, (4(50)), 3–31. <https://doi.org/10.30884/iis/2023.04.01>

Нефедов, Б. И. (2021). Понятие «мирового порядка»: теории и реальность. *Сравнительная политика*, 12(3), 21–32.

Спартак, А. Н. (2022). Переход к новому мировому экономическому порядку: этапы, ключевые черты, вызовы и решения для России. *Российский внешнеэкономический вестник*, (7), 7–29. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2022-7-7-29>

Шилов, А. А., Порфирьев, Б. Н., Гусев, М. С., Колпаков, А. Ю. (2024). Россия в условиях регионализации мировой экономики. *Мировая экономика и международные отношения*, 68(11), 72–83. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-11-72-83>

Acharya, A. (2014). *The end of American world order*. Polity Press. 158.

Fairbank, J. K. (Ed.) (1968). *The Chinese world order: traditional China's foreign relations*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 416.

Huntington, S. P. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster, 368.

Keohane, R. O., & Nye, J. S. (1977). *Power and Interdependence: World politics in Transition*. Boston, Toronto: Little, Brown, 273.

Kissinger, H. (2014). *World order*. New York: Penguin, 432.

Kortunov, A. (2019). Between Polycentrism and Bipolarity on Russia's World Order Evolution Narratives. *Russia in Global Affairs*, 17(1), 10–51.

Krauthammer, C. (2002). The Unipolar Moment Revisited. *The National Interest*, (70(3)), 5–18.

Mearsheimer, J. (1990). Back to the Future: Instability in Europe After the Cold War. *International Security*, 15(1), 5–56.

Wallerstein, I. (1974). *The Modern World-System. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World—Economy in the Sixteenth Century*. New York: Academic Press, 410.

Waltz, K. N. (1964). The Stability of a Bipolar World. *Prediction, Conflict, Existentialism*, 93(3), 881–909. <http://www.jstor.org/stable/20026863> (date of access: 11.01.2025).

高奇琦 [Gao, Q.] (2015). 全球共治: 中西方世界秩序观的差异及其调和. [Глобальное совместное управление: различия между китайскими и западными взглядами на мировой порядок]. *世界经济与政治 [Мировая экономика и политика]*, (4), 67–87.

林利民 [Lin, L.] (2014). 如何认识国际秩序(体系)及其转型? [Как понять международный порядок (систему) и его трансформацию?]. *现代国际关系 [Современные международные отношения]*, (7), 42–43.

任琳, 彭博 [Жэнь, Л., Пэн, Б.] (2022). 全球发展倡议: 全球发展公共产品供需再平衡的中国方案 [Глобальная инициатива развития: программа Китая по восстановлению баланса спроса и предложения общественных благ глобального развития]. 拉丁美洲研究 [Латиноамериканские исследования], (6), 52–67.

宋伟 [Сун, В.] (2021). 国际关系中的修正主义: 行为与国家 [Ревизионизм в международных отношениях: поведение и государство]. 教学与研究 [Преподавание и исследования], (3), 37–47.

徐坡岭 [Сюй, П.] (2024). 金砖国家如何建立«经济集体防御机制» [Как страны БРИКС могут создать «экономический механизм коллективной обороны»]. Guancha [Гуаньчачжэван]. https://www.guancha.cn/XuPoLing/2024_10_24_752911.shtml (дата обращения: 11.01.2025).

阎学通 [Янь, С.] (2016). 无序体系中的国际秩序 [Международный порядок в неупорядоченной системе]. 国际政治科学 [Международная политология], 1(1), 1–32.

张宇燕, 冯维江 [Чжан, Ю., Фэн, В.] (2023). 论全球安全治理秩序的政治哲学基础: 公正合理 [О политико-философских основах глобального порядка управления безопасностью: справедливость и рациональность]. 国家安全研究, [Исследования национальной безопасности], (4), 5–33.

赵汀阳 [Чжао, Т.] (2016). 天下的当代性: 世界秩序的实践与想象 [Современность неба: практика и воображение мирового порядка]. 北京: 中信出版社 [Пекин: Чжонсинь чубаншэ], 296.

References

- Acharya, A. (2014). *The end of American world order*. Polity Press. 158.
- Baburina, O. N. (2010). The new international economic order and the new world economic order: the relationship between concepts and stages of transformation. *Vestnik Rossiiskoi ekonomicheskoi akademii im. G.V. Plekhanova [Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics]*, (5(35)), 120–126. (In Russ.)
- Baburina, O. N. (2012). The National Interests of the United States in Organizing the Global Economic Order. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' [National interests: priorities and security]*, 8(5(146)), 56–64. (In Russ.)
- Bogaturov, A. D., & Lebedeva, O. V. (2023). The evolution of the world order and Russia's ideas about the outside world. *Mezhdunarodnaya zhizn' [The international affairs]*, (9), 24–31. (In Russ.)
- Fairbank, J. K. (Ed.) (1968). *The Chinese world order: traditional China's foreign relations*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 416.
- Gao, Q. (2015). Quanguo gong zhi: zhongxifang shijiezhixu guan de chayi jiqi tiaohu [Global Co-Governance: Differences between Chinese and Western Views of World Order and Their Reconciliation]. *Shijie jingji yu zhengzhi [World Economy and Politics]*, (4), 67–87. (In Chinese)
- Grinin, L. E. (2023). Destabilization and World Order: Some Issues of the Theory. *Istoriya i sovremennost' [History and modernity]*, (4(50)), 3–31. <https://doi.org/10.30884/iis/2023.04.01> (In Russ.)
- Huntington, S. P. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster, 368.
- Keohane, R. O., & Nye, J. S. (1977). *Power and Interdependence: World politics in Transition*. Boston, Toronto: Little, Brown, 273.
- Kissinger, H. (2014). *World order*. New York: Penguin, 432.
- Kortunov, A. (2019). Between Polycentrism and Bipolarity On Russia's World Order Evolution Narratives. *Russia in Global Affairs*, 17(1), 10–51.
- Krauthammer, C. (2002). The Unipolar Moment Revisited. *The National Interest*, (70(3)), 5–18.
- Lin, L. (2014). Ruhe renshi guoji zhixu (tixi) jiqi zhuanxing? [How to understand the international order (system) and its transformation?]. *Xiandai guoji guanxi [Modern International Relations]*, (7), 42–43. (In Chinese)
- Mearsheimer, J. (1990). Back to the Future: Instability in Europe After the Cold War. *International Security*, 15(1), 5–56.
- Nefedov, B. I. (2021). The Concept of «World Order»: Theories and Reality. *Sravnitel'naya politika [Comparative Politics Russia]*, 12(3), 21–32. (In Russ.)
- Ren, L., & Peng, B. (2022). Quanguo fazhan changyi: quanguo fazhan gonggong chanpin gongxu zai pingheng de zhongguo fangan [Global Development Initiative: China's Solution for Rebalancing the Supply and Demand of Global Development Public Goods]. *Latingmeizhou yanjiu [Latin American Studies]*, (6), 52–67. (In Chinese)
- Shirov, A. A., Porfirev, B. N., Gusev, M. S., & Kolpakov, A. Y. (2024). Russia under the conditions of global economy regionalization. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World economy and international relations]*, 68(11), 72–83. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-11-72-83> (In Russ.)
- Song, W. (2021). Guoji guanxi zhong de xiuzhengzhuyi: xingwei yu guojia [Revisionism in International Relations: Behavior and the State]. *Jiaoxue yu yanjiu [Teaching and Research]*, (3), 37–47. (In Chinese)
- Spartak, A. N. (2022). Transition to the New World Economic Order: Essential Stages, Basic Features, Challenges and Policies for Russia. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik [Russian Foreign Economic Journal]*, (7), 7–29. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2022-7-7-29> (In Russ.)
- Wallerstein, I. (1974). *The Modern World-System. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World—Economy in the Sixteenth Century*. New York: Academic Press, 410.
- Waltz, K. (1964). The Stability of a Bipolar World. *Population, Prediction, Conflict, Existentialism*, 93(3), 881–909. <http://www.jstor.org/stable/20026863> (Date of access: 11.01.2025)

Xu, P. (2024). *Jinzhuang guojia ruhe jianli «jingji jiti fangyujizhi» [How can the BRICS countries establish an “economic collective defense mechanism”?]*. Guancha. https://www.guancha.cn/XuPoLing/2024_10_24_752911.shtml (Date of access: 11.01.2025). (In Chinese)

Yan, X. (2016). Wuxu tixi zhong de guoji zhixu [International Order in a Disordered System]. *Guoji zhengzhi kexue [Quarterly Journal of International Politics]*, 1(1), 1–32. (In Chinese)

Zhang, Y., & Feng, W. (2023). Lun quanqiu anquan zhili zhixu de zhengzhi zhaxue jichu: gongzheng heli [On the Political Philosophical Basis of Global Security Governance Order: Fairness and Rationality]. *Guojia anquan yanjiu [National Security Studies]*, (4), 5–33. (In Chinese)

Zhao, T. (2016). *Tianxia de dangdai xing: shijiezhixu de shijian yu xiangxiang [A possible World of All-under-the-heaven System: the world order in the past and for the future]*. Beijing: Zhongxin chubanshe [Beijing: Zhongxin publisher], 296. (In Chinese)

Информация об авторах

Сюй Полин — доктор экономических наук, профессор, Университет Китайской академии общественных наук; главный научный сотрудник, начальник отдела российской экономики, Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук; <https://orcid.org/0009-0005-1186-3973> (Китайская Народная Республика, 102445, г. Пекин, ул. Чанюй, д. 11; Китайская Народная Республика, 100007, г. Пекин, ул. Чжан Цзычжун, д. 3; e-mail: xupoling@163.com).

Чжао Хайвэнь — аспирант, Университет Китайской академии общественных наук; <https://orcid.org/0009-0006-4892-5776> (Китайская Народная Республика, 102445, г. Пекин, ул. Чанюй, д. 11; e-mail: zhaohaiwen925@163.com).

About the authors

Poling Xu — Dr. Sci. (Econ.), Professor, University of the Chinese Academy of Social Sciences; Chief Research Associate, Head of the Russian Economy Department, Institute of Russian, Eastern European and Central Asian Studies, Chinese Academy of Social Sciences; <https://orcid.org/0009-0005-1186-3973> (11, Changyu St., Beijing, 102445, People's Republic of China; 3, Zhang Zizhong St., Beijing, 100007, People's Republic of China; e-mail: xupoling@163.com).

Haiwen Zhao — PhD student, University of the Chinese Academy of Social Sciences; <https://orcid.org/0009-0006-4892-5776> (11, Changyu St., Beijing, 102445, People's Republic of China; e-mail: zhaohaiwen925@163.com).

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflicts of interest.

Дата поступления рукописи: 07.02.2025.

Прошла рецензирование: 12.05.2025.

Принято решение о публикации: 27.06.2025.

Received: 07 Feb 2025.

Reviewed: 12 May 2025.

Accepted: 27 Jun 2025.